

**ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
И БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА. ДИАЛОГ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Асоян Т. М., *Территориальные проблемы Республики Армении и британская политика (1918-1920 гг.)*, М., Альфа, 2005, 245 с.

В 2005 г. в Москве вышла в свет монография Т. М. Асояна “Территориальные проблемы Республики Армении и британская политика (1918-1920 гг.)”. Ее главы включают исторический и этнографический очерк о положении армянского и других народов Закавказья к окончанию I мировой войны, историю формирования республиканских границ в свете британской политики, межевые споры на Парижской мирной конференции, а также излагают события, происшедшие во второй половине 1919-1920 гг. Источниковедческая база исследователя насыщена историографией, в том числе трудами, изданными как в США, так и в Ереване. Широкое привлечение четырех томов исследования зарубежного члена НАН РА Р. Ованнисяна, изучение документов Национального архива Армении несомненно выгодно отличают данную работу. В качестве перспективы хочется ожидать анализа карт, обсуждавшихся на Парижском конгрессе, и более активного привлечения в круг упоминаемых авторов А. Насибян. Карты вполне могут быть обнаружены в московских хранилищах, включая МИД РФ. В фондах ереванского архива их практически не встречаешь. Тема тем более интересна, если учесть, что конфигурация первой республики постоянно менялась. Государство – это совокупность учреждений, обеспечивающих жизнь и работу людей на четко обозначенной территории. Стабильные границы и их безопасность позволяют накапливать благосостояние и успехи общества. Но реалии Армении 1918-1920 гг. были далеки от стабильности и накопления. У нее не было ни одной взаимоприемлемой межи, зато имелись конфликты со всеми соседями. И поскольку ситуация в РА была наихудшей, ее соседи не упускали возможности улучшить свое положение за счет ослабленной соседки. Именно этим, а не сложными расчетами могло объясняться турецкое движение 1918 г. на Кавказ. Просто на этом направлении ожидали наименьшего сопротивления.

Вместе с тщательным изложением событий 1918-1920 гг. автор монографии предлагает читателю обзор армянской и азербай-

джанской историографии, начиная с темы происхождения двух народов и времени их проживания в Нагорном Карабахе. Т. М. Асоян подробно излагает обе точки зрения и отмечает политизированность, партийность армянских историков. И поскольку ни он, ни автор этой статьи не специализировались по древней и средневековой проблематике, позволим себе остановиться лишь на нескольких деталях. Как сказано в книге, историография РА базируется на свидетельствах Геродота и Страбона. В примечаниях книги верно указывается, что соответствующие азербайджанские утверждения базируются на “Истории Азербайджана” 1958 года издания.

Т. М. Асоян упоминает, что “сформировавшуюся к XI-XIII вв.” тюрко-исламскую общность соседней республики в российской переписи еще 1897 г. именовали кавказскими татарами¹. Возникает простой вопрос: в России жили русские, в Грузии – грузины, в Армении – армяне, в Азербайджане – ... нет. Татары. Все еще не идентифицировавшие себя с ареалом проживания. К тому же сбалансированность позиции московского историка сохраняется недолго, и как только речь заходит о 1918-1920 гг., уже не возникает необходимости дискутировать по поводу событий, свидетельствующих об армянской принадлежности Карабаха. Тема описана подробно, с осуждением политики Великобритании, оказывавшей жесткое давление, чтобы подчинить регион, вместе с Зангезуром, правительству Азербайджана. Можно только оспорить, в плане методологии, следующий тезис: историки обеих сторон используют современные толкования некоторых принципов международного права. “Речь идет о принципе нерушимости границ и о принципе территориальной целостности государств. Противоречия между этими принципами очевидны. Согласно первому принципу, каждая национальная группа... получает право добиваться самостоятельности”². Противоречия между первым и вторым понятиями неочевидны. Видимо, в первом случае подразумевалось право народов на самоопределение. И понятно, что сегодня, при взгляде на карту Европы, включая прежний СССР и объединенную Германию, разговоры о нерушимости границ воспринимаются несколько специфически. К тому же, дело не только в современности: революции 1917 г. тоже не считали существовавшие границы чем-

¹ Асоян Т. М., указ. соч., с. 5-11, 14-15, 19, 21, 66-68, 152-158, 227-228, 232.

² Там же, с. 68-69.

то совершенно неизменным.

Возвращаясь к Армянскому вопросу в изучаемый нами период, мы встречаем перекликающийся с мнением А. Дж. Киракосяна тезис, что “Англия становится державой, наиболее заинтересованной в проведении реформ в Армении, из которой она хочет сделать надежный оплот против русской экспансии”³. Знакомство с имеющимся объемом обработанных архивов не позволяет мне разделить эту точку зрения. Проблема состоит в том, что начиная с Кипрской конвенции 1878 г. (раз мы говорим об Армянском вопросе) и до формирования Антанты в 1907 г. Англия делала ставку именно на Турцию. В этом она сохраняла более выгодные позиции, чем Россия. Англичане работали с правившим этносом, в руках которого были и государственный аппарат, и армия, и казна. Россия же занималась покоренным, не имевшим значительных возможностей самозащиты народом. Это сразу ставило ее в менее выгодное положение. Не говоря уже о самих армянах. Так что контроль Англии за ходом реформ работал на пользу турок, а не армян. И до тех пор, пока не вырос новый конкурент в лице Германии с ее ВМС и Багдадской железной дорогой, у англичан не возникало потребности ни в России, ни в Антанте. Но дело шло к большой войне, и в этом отношении вывод Т. М. Асояна о том, что сложный этнорелигиозный состав края, сочетание в нем различных политических интересов делают Закавказье скорее перекрестком, чем мостом, заслуживает внимания⁴. При таком переплетении интересов мирное сотрудничество народов требует здесь дополнительных усилий и политической стабильности.

Что касается революции, то она, по мнению Т. М. Асояна, кардинально изменила британские стратегические интересы. Вместо реформ и заботы о благополучии народов на первое место вышли борьба с большевизмом и обеспечение нефтяных интересов. Конечно, война выдвигала свои требования, особенно по восстановлению Кавказского фронта и обеспечению армии и промышленности топливом. Тем не менее, отношение к большевизму не было всегда и однозначно враждебным. И конкретно Армения не испытывала эйфории в мае 1918 г. Она просто осталась без внешней защиты в условиях войны и революционного взрыва. Независимость была необходимостью, а не мечтой, поэтому

Д.

---

³ Там же, с. 35.

⁴ Там же, с. 52.

Ллойд Джорджа о несуществовавшем на тот момент желании “восстановить независимую Армению во всей ее древней славе”⁵ является большим преувеличением. Именно слабость Армении и катастрофа геноцида заставляли отстаивать права на Западную Армению доводами историко-культурного характера. Автор рецензируемой книги верно пишет, что эти доводы были обоснованны и справедливы: ведь народ всегда жил и работал на своей земле, хотя и не правил на ней. Историко-культурный фактор, конечно, важен для морального состояния общества и его боеспособности, но при определении границ превалируют аспекты войны, экономики, демографии, коммуникаций, соотношения сил и наличие союзников. В ситуации 1918-1920 гг. праву, вытекавшему из тысячелетий труда, не хватало силы, а в армяно-турецких противоречиях завоевателя и работника это всегда означало только потери. Проблема нашей новейшей истории состояла в том, что перед народом возникали угрозы, превышавшие его возможности справиться самостоятельно. Давление разных по темпам социально-экономического развития и соперничавших империй действительно наращивало различия между западными и восточными армянами. Но эти различия не раскололи народ на два этноса. Общность культуры как глобального понятия и единая историческая память ярко проявились в 1988 г., когда соотношение проблем и возможностей было в какой-то мере приемлемым. В результате, успехи были достигнуты, несмотря на отсутствие опыта в политике.

А теперь вернемся к 1918-1920 гг. В освещении событий мая-октября 1918 г. можно предложить несколько методологических поправок. Главное: это небольшие сбои в хронологии, не нарушающие общей логики долговременных процессов, но все же нежелательные, когда речь идет о разборе всего двух сложных лет. Получается, что ряд возможных замечаний не нарушает правильности выводов, поэтому, мы и не ставим задачу обсуждать все те тезисы, которые вызывают возражения. И второе, при чтении книги Т. М. Асояна не нужно спешить. Сначала не соглашайся с тем, что тебе излагают, а потом оказывается, что автор, немного позже, сам приводит необходимые доводы⁶. К примеру о хронологии: в разделе британской политики мая-октября 1918 г. говорится,

⁵ Там же, с. 51; Ллойд Джордж Л., *Правда о мирных договорах*, в 2-х т. Пер. 2-ого тома под ред. Ф. Волкова, т. 2, М., 1957, с. 393.

⁶ Асоян Т. М., *указ. соч.*, с. 79.

что “первое время абсолютным “хозяином” Закавказья была Англия.” Без ее поддержки не могли быть установлены новые границы Армении, как и других республик Закавказья. Это утверждение подтверждается ссылками на зарубежных авторов и на книгу автора данных строк. Между тем, описываемые Т. М. Асояном события касаются ноября-декабря месяцев, то есть послевоенного времени, когда в крае разместили британские подразделения. Видимо, стоило уточнить, что до Мудросского перемирия возможности Альбиона были несопоставимыми с ролью Турции⁷. И когда говорится, что в конце того же мая 1918 г. Карабах, Зангезур и Нахичеван “вопреки исторической справедливости, национальному составу населения, были объявлены младотурками и мусаватистами “азербайджанскими,” то логично сразу же уточнить: не мусаватисты, а 2-я турецкая дивизия заняла 25 сентября Шуши. Зангезур она не захватила. А когда турецкие войска ушли, подчинение армян Карабаха закончилось. Далее, с января 1919 г. началось упорное давление англичан, успешное в первом случае и совершенно безрезультатное в Зангезуре. 28 марта генерал В. Томсон сам подтвердил в Ереване, что этот край “будет управляться, как до сих пор, Национальным советом.” Письмом от 1 июня его преемник генерал Дж. Кори, а затем Верховный комиссар Союзников американец В. Гаскель повторили, что азербайджанским властям следует прекратить предъявлять претензии. Что касается Нахичевана, то фрагмент на с. 88 явно содержит опечатку: страны Антанты возвращали Армении Карсскую область “и захваченные в 1918 г. турками части Эриванской губернии”, конечно же, во второй половине 1919, а не 1918 г. Точнее, армянская администрация в Карсе была восстановлена 19 апреля. И Нахичеван, контролировавшийся после ухода турецких войск до 8 февраля армянскими частями, уже к 13 мая 1919 г. вновь воссоединился с РА и управлялся армянской администрацией. А мятежи в этом крае возглавил турецкий полковник Халиль-бей⁸.

⁷ Там же, с. 60-62, 70, 74-79; **Hovannisian R.**, *Armenia on the Road to Independence. 1918, Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1967, p. 242.*

⁸ См. например: Национальный архив Армении (далее: НАА) ф. 200, оп. 1, д. 22, ч. 1, л. 28-28А; д. 209, ч. 1, л. 41-51, 73; д. 290, ч. 1, л. 32-34, 39-40; д. 357, ч. 1, л. 40; ф. 201, оп. 1, д. 41, л. 21-22; ф. 276, оп. 1, д. 131, л. 66-66А; ф. к. 4033, оп. 2, д. 964, т. II, л. 136; **Խատիսյան Ա.**, Հայաստանի Հանրապետության ծագումն ու զարգացումը, 2-րդ հրատ., Բեյրութ, 1968, էջ 156-157; *Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. Сборник документов и материалов. Под ред. В. Микаеляна, Е., 1992, с. 83-84;* **Մինոնյան Ա.**, Չանգևիզուրը հայ-ադրբեջանական դիվանագիտական պայքարի խաչմերուկում (1919 թ. նոյեմբեր - դեկտեմբեր) (Բանբեր Հայաստանի արխիվների, հ. 1, 2005, էջ 164-171); Նախիջևան-Շարուրը 1918-1921 թթ.: Փաստաթղթեր և նյութեր: Խմբ. Վ. Ն. Ղազարյանցյան (Բանբեր Հայաստանի արխիվների, հ. 1-2, 1993); **Զոհրաբյան Է. Ա.**, Նախիջևանյան հիմնահարցը եվ Հայաստանի «Դաշնակիցները» (1918 թ. դեկտեմբեր - 1920 թ. ապրիլ), Ե., 2002; **Եփրիկյան Ա.**, Հայաստանի Հանրապետության իշխանության տարածումը Նախիջևանում 1919 թ. (Բանբեր Հայաստանի արխիվների, հ. 1, 2004, էջ 44-56):

Московский историк обращается также к армяно-грузинскому столкновению декабря 1918 – марта 1919 г. и к идее “кавказского дома” в обращении Грузии к соседним республикам от 27 октября того же года. Первая тема освещена подробно и адекватно. Что же касается второй, то есть смысл добавить, что уклончивое отношение Республики Армении к многосторонней Кавказской конференции, состоявшейся 27 апреля – 9 июня 1919 г., в которой она все же приняла участие, объяснялось рядом причин. Во-первых, резонно отмечало ереванское правительство, нужны были предварительные двусторонние переговоры и двусторонние соглашения о границах. Во-вторых, РА не хотела оказаться в меньшинстве, которому станут навязывать решения. Она искала партнеров на Кубани и Тереке, тем более, что Азербайджан привлекал марионеточную шуру Карса. В-третьих, если С. Тигранян говорил о национальности людей, проживающих в зонах конфликта, то посланец Баку Х. Хасмамедов предлагал считать спорными районы, на которые претендует пограничное с ними государство, и проводить в таком случае референдум не только на спорной территории, но и во всем соседнем государстве⁹. И в-четвертых, соглашения между Арменией и Грузией, Арменией и Азербайджаном о свободном транзите практически не действовали. Данный факт не спишешь только на А. Деникина. Ведь подразделения Британии сошли на берег в Батуми 15 декабря 1918 г., а работу железной дороги смогли наладить только к середине июля 1919 г., причем без внешней военной охраны грузы доставлять не удавалось. Свои же, национальные войска, не только были слабыми, но и ослаблялись такими фактами, как вывоз англичанами оружия из арсеналов Карса, требованием последних не увеличивать вооруженные силы РА, заменив их “хорошей жандармерией.” В этом ряду стоял прямой приказ В. Томсона вывести Армянский отдельный ударный отряд Анд-

---

⁹ *НАА, ф. 199, оп. 1, д. 100, л. 31; ф. 276, оп. 1, д. 111, л. 49; Վրացյան Ս., Հայաստանի հանրապետություն, Ե., 1993, էջ 367; Ղուլյան Յ., Հայ-ադրբեջանական տարածքային վիճելի հարցերն Անդրկովկասի հանրապետությունների 1919 թ. կոնֆերանսում (Բանբեր Հայաստանի արխիվների, հ. 1, 2004, էջ 148-151):*

раника из Зангезура, а затем распустить его. Ни правительство республики, ни прибывшие не взялись финансировать соединение. А. Озаянчу не разрешили участвовать в возвращении беженцев, выдвинуться в Алашкерт, направиться в Нахичеван или Карс¹⁰.

Далее, когда речь идет о Парижской мирной конференции, можно и нужно считать недостатком противоречия между двумя армянскими делегациями. Тем не менее, следует признать, что у них не было возможности серьезно влиять на политику главных держав. Они обеспечивали конференцию документами, обращались с просьбами, проводили встречи вплоть до президента В. Вильсона (17 апреля 1919 г.), помогали республике деньгами. Но политические решения принимал Совет 4-х, а главам двух армянских делегаций оставалось соглашаться и принимать его постановления.

Будет неточным утверждать, что участники Большой игры пренебрежительно относились к программному меморандуму Погоса Нубара и А. Агароняна от 12 февраля 1919 г. Да, их выслушали 26-го числа, когда В. Вильсона не было в Париже. Однако в числе принимавших были С. Пишон, А. Бальфур, А. Милнер, Р. Лансинг, С. Соннино и Ж. Камбон. Шеф Форин оффиса лично вмешался, чтобы Погоса Нубара допустили на заседание вместе с А. Агароняном. После выступления и он, и министр по делам колоний поздравляли ораторов с успехом¹¹. А что касается тезиса, будто английская политика после подписания Версальского

договора

¹⁰ **Асоян Т. М.**, указ. соч., с. 59, 103-113, 117, 146-148, 160, 163, 167; *НАА*, ф. 199, оп. 1, д. 32, л. 173-177; ф. 199, оп. 1, д. 32, л. 123-124; ф. 200, оп. 1, д. 92, ч. 3-5, л. 208-209, 228, 230-232А, 366-366А; д. 193, ч. 7, л. 492А; д. 244, л. 2; д. 269, л. 41-42; д. 291, ч. 5, л. 246-250А; д. 304, л. 5, 11; ф. 370, оп. 1, д. 14, л. 34-37; д. 40, л. 15-17; ф. к. 4033, оп. 2, л. 962, л. 22-24, 50-55, 173; д. 964, ч. II, л. 153, Զորավար Անդրանիկի կովկասյան ճակատի պատմական օրագրությունը: 1914-1917: Օրագրում Զորավարին թիկնապահ զինվորին, Պոսթոն, 1924, էջ 214-217; **Քաջունի Ե.**, Հայկական առանձին հարուստող զորամասը: Ժենևրալ Անդրանիկ, Պոսթոն, 1921, էջ 141-150, 214-217; **Խատիսյան Ա.**, նշվ. աշխ., էջ 179-180; **Hovannisian R.**, *The Republic of Armenia. In 4 vols. Berkeley & Los Angeles, University of California Press, 1971-1996, vol. I, p. 173-174, 243*; **Нерсисян М., Арутюнян А., Мурадян Д.**, *Материалы о генерале Андранике (Պատմա-բանասիրական հանդես, 1981, N 4, p. 242-248)*.

¹¹ **Асоян Т. М.**, указ. соч., с. 136-139; *НАА*, ф. 200, оп. 2, л. 50, л. 1-4; д. 51, л. 6-9; ф. к. 4033, оп. 2, д. 1005, л. 1-10; **Ահարոնյան Ա.**, Սարդարապատից մինչև Սևր եւ Լոզան: (Քաղաքական օրագիր), Պոսթոն, 1943, էջ 12; *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: The Paris Peace Conference, 1919. In 12 vols. Wash., GPO, 1942-1947, vol. IV, p. 147-156; The Armenian Question Before the Peace Conference. A Memorandum Presented Officially by the Representatives of Armenia to the Peace Conference at Versailles on February 26, 1919, The Armenian Review, 1974, vol. 27, N 3, p. 227-259.*

преследовала цель “сохранить территориальную целостность прежней царской России. ...Америка [же] хотела “демократизировать Россию” на основе права наций на самоопределение, чтобы разбить ее могучую силу, как противника, и завладеть Закавказьем”, то с этим трудно согласиться. И несмотря на тандем Э. Оганесян – Т. Асоян нужно констатировать, что в мае 1919 г. В. Вильсон не принял английского приглашения утвердиться в Закавказье, потому что не хотел будущих проблем с Россией. А Великобритания не соглашалась на приход туда итальянцев именно потому, что ее не устраивал *временный* опекун, который будет охранять мир, но потом не сможет противостоять России и возвратит ей край¹².

В декабре 1918 г. англичане, да и Союзные державы в целом, не признавали независимых образований в ее границах. В январе 1920 г. они уже объявляли об их признании де факто (США пошли на такой шаг позже, чем Британия). В августе того же года допускали к подписанию договора Версальской системы, в котором США не участвовали.

Можно добавить, что когда автор продолжает тему работы над договорами, освещая Лондонскую и Сан-Ремскую конференции 1920 г., мы вновь подробно знакомимся с ходом переговоров. А хотелось бы, чтобы было уделено больше внимания обсуждавшимся там картам и пограничным линиям, включая динамику численности и передвижения турецких войск в предлагавшихся для РА районах Западной Армении. Ереванский же архив, как правило, располагает словесными описаниями рубежей в отчетах А. Агароняна для своего правительства. Так например, 24 января 1920 г. А. Агаронян сообщал премьер-министру А. Хатисяну, что 22-го числа он и Погос Нубар беседовали с главным экспертом французского МИДа по Восточному вопросу Ф. Бертелло. В ответ на врученный ему меморандум француз описывал делегатам границу с Ерзнкой, Эрзерумом и Битлисом. На юге он проводил между по Таврскому хребту, а Диарбекир, Харберд и Киликию оставлял в свободной от турецкого правления французской зоне. В ходе обсуждения прозвучало, что для экономики РА были бы полезными Трапезунд,

---

¹² Асоян Т. М., указ. соч., с. 170, 239; Оганесян Э., *Век борьбы. Очерк 100-летней истории дашнакской партии и национально-освободительного движения армянского народа. В 2-х т., т. 1*, Мюнхен-М., 1991, с. 293; *United States National Archives, Washington D. C., Record Group 256 Records of the American Commission to Negotiate Peace, class 180.03401/documents 20½, 20½/ App. III.*

Ризе и Атине¹³.

Через два месяца, 19 марта, А.Агаронян послал А. Хатисяну еще один отчет – о Лондонской конференции. Он был составлен прямо на месте и подробно описывал три встречи армянских делегатов с международной пограничной комиссией, проведенные 21, 26 февраля и 16 марта. На первой из этих встреч Погос Нубар не только зачитал составленную Г. Корганяном записку, но и вместе с генералом и А. Агароняном передал составленную армянами карту. 23-го последовали еще два армянских меморандума. На карте по-прежнему были Ерзнка и Эрзерум, черноморское побережье от устья Чороха до Тиреболи; в новое государство включали Харберд, Дерсим, Балу и районы к югу от о. Ван, вплоть до персидской границы. 26 февраля англичане передали в комиссию три свои карты, на которых Трепезунд, Ризе и Атине отсутствовали, потому что Лазистан хотели включить в нейтральную зону Батума. Вне официального заседания Ф.Бертело представил свой чертеж, а 27-го числа В.Чайлдс уточнил, что выделяемое Армении побережье сократится до полосы Тиреболи-Сюрмене. За РА оставляли Ерзнку, но уже исключали Дерсим с Харбердом¹⁴.

В топографическом плане можно считать исключением отчет В. Вильсона Верховному совету Союзников от 22 ноября 1920 г., который состоит из его сопроводительного письма на имя А. Мильерана, решения президента о границе с ее подробным словесным описанием и собственно карты¹⁵. Письмо интересно в методологическом плане, и я позволю себе предложить его перевод:

“Председателю Верховного совета Союзных держав.

Г-н Председатель

Действием Верховного совета, предпринятым 26 апреля этого года, меня официально пригласили вынести третейское решение по вопросу границ между Турцией и новым государством Армения. Представители держав, подписавших 10 августа этого года Севрский договор, согласились оказать мне эту честь и выразили свое намерение принять границы, которые будут установлены моим решением, как и любые условия, которые я могу предписать

¹³ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 290, ч. 1, л. 64-65.

¹⁴ Great Britain, Foreign Office Archives. Public Record Office, class 371 Political (далее: FO, 371), 4952, E533, E646/134/58; НАА ф. 200, оп. 1, д. 290, ч. 1, л. 68-85.

¹⁵ NA, RG 59 General Records of the Department of State, 760J.6715/61; T1193 Records of the Department of State Relating to Political Relations Between Armenia and Other States, 1910-1929. The NA, NA and Records Service, General Services Administration. Wash., NA Microfilm Publications, 1975, Roll 2, f.10-18, 19-36.

относительно доступа Армении к морю и любые мероприятия по демилитаризации турецкой территории вдоль учреждаемой таким образом границы. В соответствии с условиями передачи дела арбитру, изложенными в части III, 6-ом разделе, ст. 89 Севрского договора, объем вручаемых мне третейских полномочий ясно ограничен определением границ Турции и Армении в вилайетах Эрзерум, Трапезунд, Ван и Битис. Полностью осознавая ответственность, возложенную на меня вашим запросом, я подошел к этой трудной задаче с готовностью служить лучшим интересам армянского народа, как и других обитателей этой пострадавшей страны, какой бы расы или религиозных верований они ни были, пытаюсь также проявить наивысшую возможную справедливость к жителям примыкающих районов, будь то турки, курды, греки или армяне.

Приступая к этой проблеме, для меня было очевидным, что существующее этническое и религиозное распределение населения в четырех вилайетах не могло, в отличие от других частей света, рассматриваться в качестве руководящего признака для решения. Этнические соображения, в случае с населением изначально столь сложно перемешанным, еще больше затемнялись ужасными результатами резни и депортаций армян и греков, как и страшными потерями, понесенными также мусульманскими обитателями при передвижениях беженцев и от бичующего тифа и других болезней. Ограничение третейского задания четырьмя вилайетами, названными в ст. 89 договора, кажется, вынуждало и обязывало пожаловать армянскому государству как можно большее пространство в пределах этих вилайетов, удовлетворяя в то же время основные требования достаточной естественной границы, а также географического и экономического единства нового государства. Существенным было учесть, что новое государство Армения, включая, как это произойдет, большую часть бывших армянских провинций закавказской России, будет первоначально иметь население, почти поровну поделенное на мусульманский и христианский элементы, а также на различные расовые и племенные узы. Гражданство Армянской республики будет, исходя из языка и религии, состоять из турок, курдов, греков, кызылбашей, лазов, и других, как и армян. Сталкивающиеся территориальные желания армян, турок, курдов и греков касательно всех границ, порученных моему третейскому решению, не всегда можно было согласовать. В таких случаях я считал, что соображения здоровой

экономической жизни будущего государства Армения должны быть решающими. Но там, где требования правильной географической границы позволяли, все горные и долинны районы вдоль границы, являвшиеся по преимуществу курдскими или турецкими, чаще оставались Турции, а не отводились Армении, если только торговые связи с конкретными рыночными городами не вовлекали их непременно в армянское государство. Там, где мы могли обеспечить сведения о племенных отношениях и сезонных передвижениях, делалась попытка сохранения цельности племенных группировок и [беспрепятственных] кочевков на пастбища.

От персидской границы, юго-западнее городка Котур, пограничная линия Армении определяется труднопроходимым естественным барьером огромной высоты, простирающимся к югу от озера Ван и лежащим юго-западнее армянских городов Битлис и Муш. Эта пограничная линия оставляет в пределах турецкого государства весь санджак Хекьяри, или около половины Ванского вилайета, и почти весь санджак Сгерт. Здоровое физиографическое основание, кажется подтверждающее это решение, еще больше усиливалось тем этнографическим соображением, что Хекьяри и Сгерт преимущественно курдские как по населению, так и по экономическим связям. Представляется, что не в лучших интересах армянского государства включать в него верхнюю долину реки Большой Заб, в основном курдскую и христиано-несторианскую по населению, а также важнейший компонент оросительной системы реки большой Тигр турецкого Курдистана и Месопотамии. Контроль над этими водосборами нужно оставить, где это возможно, во владении двух заинтересованных государств – Турции и Месопотамии. В силу этих причин нельзя удовлетворить армянское требование на верхнюю долину Большого Заба. Граница западней Битлиса и Муша, на север к окрестностям Ерзнки, пролегает по Битлисскому и Эрзерумскому вилайетам. Она идет по природному географическому барьеру, предоставляющему Армении полную безопасность и оставляющему турецкому государству сильно выраженное курдское пространство. Армянские села и сельские общины в этой части, такие как Киги и Темран, неизбежно остаются турецкими из-за тесных коммерческих и церковных уз, связывающих их скорее с Харбердом, нежели с каким-либо иным армянским рынком и религиозными центрами, находящимися в Битлисском и Эрзерумском вилайетах. Это решение представлялось неизбежным последствием включения города и района

Харберда в турецкое государство, как определено ст. 27 II (4) и ст. 89 Севрского договора. С северного рубежа Дерсима суть и направление пограничного решения были главным образом связаны с главным вопросом обеспечения государству Армения достаточного доступа к морю. От верного решения этой проблемы зависит, по моему суждению, будущее экономическое благополучие всего населения – турецкого, курдского, греческого, армянского или езидского, в тех частях вилайетов Эрзерум, Битлис и Ван, которые лежат в пределах государства Армения. Я не оставил без внимания желание понтийских греков, представленное мне в меморандуме, несомненно, схожем по доводам и содержанию с тем, который был подан Верховному совету в минувшем марте на его Лондонской конференции, о том, что единство заселенного ими побережья Черного моря должно сохраниться и что следует принять меры к созданию автономного управления для региона, простирающегося от Ризе до пункта к западу от Синопа. Третьейские полномочия, предоставленные мне ст.89 Севрского договора, не дают мне возможности решать или советовать относительно вопроса об их стремлении к независимости, или, если это невозможно - к автономии. Как не включают они и права иметь дело с побережьем самостоятельного санджака Джаник или вилайета Кастамуни, в которых простирается регион, единства и автономии которого жаждут понтийские греки.

Мне открыты три возможных образа действия: так размежевать границу, чтобы весь Трапезундский вилайет лежал внутри Турции, пожаловать его целиком Армении, или же пожаловать его часть Армении и предоставить оставшееся Турции. Большинство населения Трапезундского вилайета бесспорно мусульманское, и армянский элемент, в соответствии со всеми довоенными оценками, непреложно уступал по численности греческой части христианского меньшинства. От решения, так ясно обозначенного этнографическими причинами, во многом зависит будущее Армении. Я мог рассматривать вопрос скорее в свете нужд нового политического объекта – Армении, со смешанным мусульманским и христианским населением, чем как вопрос будущего одних лишь армян. В прошлом, а сейчас еще больше, моим убеждением является, что договоренности, обеспечивающие доступ Армении к морю, должны быть такими, чтобы предоставить все возможности

для развития этого государства как способного вновь принять и поддерживать ту полезную роль в мировой коммерции, которую его географическое положение, поперек великого исторического торгового пути, предназначило ему в прошлом. Цивилизация и счастье его перемешанного населения будет в большой степени зависеть от строительства железных дорог и растущего доступа в глубинку трех вилайетов для европейской торговли и культурного воздействия. Восточнее порта Трапезунд, вдоль побережья Лазистана, не найдешь достаточных средств причаливания, а труднопроходимость Понтийской гряды, отделяющей Лазистанский санджак от Эрзерумского вилайета, такова, что она изолирует внутренние районы от побережья, насколько это касается возможности строительства железной дороги. Имеющийся караванный маршрут из Персии через равнины Баязета и Эрзерума, идущий через города Баберд и Гюмушхане и выходящий к Черному морю в Трапезунде, имеет за собой длинный список неизменной пригодности. Такими были соображения, вынудившие меня вернуться к моему первоначальному убеждению, что город и гавань Трапезунда должны стать единой частью Армении. В силу еще большей применимости заканчивающегося в городке Тиреболи пути по Каршитской долине, для успешного строительства и эксплуатации железной дороги я счел также необходимым включить эту долину в Армению, вместе с достаточной территорией к западу от нее, чтобы обеспечить ее достаточную защиту. Мне стало известно, что главы армянской делегации выразили готовность отказаться от требования на часть Трапезундского вилайета, лежащего западней Сюрмене. Их желание избежать принятия власти над территорией, столь преобладающе мусульманской, само по себе похвально, но я уверен, что уступив их старанию проявить справедливость к туркам и грекам Трапезунда, я причинил бы непоправимый вред будущему земли Армении и всему ее населению, частью которой они станут. Вот по этим основаниям, г-н Президент, границы были начерчены вдоль горных цепей западней города Ерзнка к Понтийской гряде, а оттуда – к Черному морю, с тем, чтобы включить в Армению береговое углубление, называемое Зефир-бей. Решение оставить Турции портовые городки и внутренние районы Керасунта и Орду в Трапезундском санджаке было продиктовано тем фактом, что население этого региона очень мусульманское и турецкое, и что эти городки являются торговыми пунктами для крайних восточных частей турецкого вилайета Свас. Части Эрзерумского и

Трапезундского вилайетов, которые из-за данного размежевания остались турецкими, а не стали армянскими, содержат приблизительно 12.120 квадратных километров. В случае демилитаризации турецкой территории, прилегающей к армянской границе, как это в общих чертах описано выше, представлялось несбыточным и ненужным устанавливать демилитаризованную зону, которая потребовала бы подробных предписаний и смешанных учреждений для их выполнения. К счастью, ст. 177 Севрского договора предусматривает разоружение всех имеющихся крепостей по всей Турции. К тому же, ст. 159 и 196-200 обеспечивают учреждения, вполне достаточные, чтобы противостоять всем опасностям беспорядка, способного возникнуть вдоль границ : первая статья – ее требованием, чтобы часть жандармских офицеров была предоставлена разными союзными или нейтральными державами, последняя статья – учреждением Военной межсоюзнической комиссии по контролю и организации. В этих обстоятельствах единственным дополнительным предписанием, которое представляется необходимым и разумным, было, чтобы Военная межсоюзническая комиссия по контролю и организации, в соответствии с полномочиями, возложенными на нее ст. 200 договора, отобрала старших жандармских офицеров для размещения в вилайетах Турции, сопредельных с границей Армении, только из тех офицеров, которых выделяют союзнические или нейтральные державы, в соответствии со ст. 159 договора; и что этим офицерам, под надзором Военной межсоюзнической комиссии по организации и контролю, особенно вменяют в обязанность предотвращать военные приготовления, направленные против армянской границы.

Я с уверенностью ожидаю, что армянские беженцы и их руководители, во время возвращения на отводимую им территорию, воздержатся от любых видов возмездия, подавая миру пример высокой моральной отваги, которая всегда должна служить основанием национальной силы. Мир ожидает от них, что они будут всячески поощрять и в меру своих сил помогать тем турецким беженцам, которые могут захотеть возвратиться в свои прежние дома в районах Трапезунда, Эрзерума, Вана и Битлиса, помня, что эти люди тоже тяжело пострадали. Кроме того, я ожидаю, что они будут очень тактично обращаться с лазами и греческими жителями прибрежных областей Черного моря, превосходя терпимостью своих управленческих мер, если необходимо, даже детальные условия для неармянских расовых и религиозных групп,

воплощенные в договоре о меньшинствах, подписанном ими 10 августа этого года, вследствие чего эти народы станут счастливо и охотно работать в полнейшем согласии с армянами в деле закладки прочных основ новой республики Армения.

Имею честь сим представить текст моего решения. Примите, г-н Президент, еще раз заверения в моем глубочайшем почтении [подпись от руки:] Вудро Вильсон

Белый дом. Вашингтон, 22 ноября 1920 г.”

Этот, английский текст, как и карту, можно встретить в интернете¹⁶. Мной уточнены армянские названия городов, когда, например, речь идет о Ерзнке или Харберде. К тому же, в интернете представлена работа начальника географического отделения отдела военной разведки генерального штаба армии США – полковника Лоуренса Мартина¹⁷, ставшая базой для президентского рисунка. Сам В. Вильсон пользовался британской картой с масштабом 1 к 10 км. и картой турецкого генштаба 1914/1915 гг. с масштабом 1 к 2 км. На ней проведена основная линия красным, а также обозначены армянский и британский варианты, предложенные на Лондонской конференции. Очень мало государственных границ создавалось в истории без войны и очерчивалось иным, кроме красного, цветом. В нашем случае, президент США формировал теоретическую – экономическую и мирную линию, хорошо зная, как идет турецко-армянская война и оставляя за скобками основные – военно-политические факторы. Как видим, обнаружение именно карт и работа с ними могут дать достаточно интересный материал для изучения. И, наверное, имеет смысл уточнить написание таких имен, как Вехиб-паша, Шевки-паша (имя которого на армянском языке и в инструкциях Дж. Т. Форестье-Уокера о выводе 9-й турецкой армии из Закавказья от 9 января 1919 г. передается как Шефки, но в нынешней историографии зафиксиро-

¹⁶ См. например: http://www.Armeniapedia.org/index.php?title=Wilsonian_Armenia; <http://www.hri.org/docs/sevres/map1.html>; <http://www.hri.org/docs/sevres/map3.html>

¹⁷ Родился 14.02.1880 г. в Массачусетсе, в 1906-1913 гг. преподавал в Висконсинском университете и писал учебники. Республиканец. С августа 1917 г. на военной службе, включая Военный колледж в Вашингтоне. До августа 1918 г. отвечал за карты генштаба, где готовил еженедельные сводки о всех фронтах для военного министра. Затем Франция, Италия и с ноября 1918 по август 1919 г. Парижская мирная конференция. После этого – участник миссии Дж. Харборда в Армению. См.: US NA, RG 256, 184.021/101; Microcopy 820 General Records of the American Commission to Negotiate Peace, 1918-1931, Roll 230, vol.204 Field Missions to the American Delegation, Harbord Military Mission to Armenia. The NA, NA and Records Service, General Services Administration. Wash., NA Microfilm Publications, 1970, f.15.

ван первый вариант), Джавид-бей, Кязим Карабекир, Дж. Форестье-Уокер, Дж. Кори (G. N. Cory), В. Кук-Коллис, Е. Гегечкори, Дуглас Уизерс, Сесиль Халтон Клаттербак (С. Н. Clutterbuck)¹⁸. Относительно выводов, под которые автор выделил с. 216-226 своей книги: спорными выглядят только четыре положения, и два из них – о “вожделенной” независимости и полномочных действиях Англии в мае 1918 г. – мы уже разобрали. К ним нужно добавить тезис, что в указанное время главной задачей РА было освобождение оккупированных турками земель. Представляется очевидным, что главной и единственной целью республики, вплоть до Мудросского перемирия, было самосохранение и стремление защитить хотя бы небольшую часть своей территории. А когда речь идет о первой половине 1919 г., будет оправданным напомнить, что Республика Армения воссоединила Карсскую область и Нахичеван, благополучно отразив поползновения на Зангезур. Но Карабах не получил достаточной поддержки, и отстоять его тогда не удалось. Что же касается исторических уроков первой республики, то они требуют продуманного отношения. Прошлые схемы не всегда повторяются в современной политике. Тут ситуация меняется чаще и резче. И только стратегические – то есть многолетние и объемные отношения – легче прогнозируются и требуют больших усилий для их замены на противоположные.

МАХМУРЯН Г. Г.

Кандидат исторических наук

---

¹⁸ Асоян Т. М., указ. соч., с. 53-54, 76, 91, 93, 107, 110, 115, 158, 178-179; НАА ф. 200, оп. 1, д. 92, ч. 6, л. 454А-457; оп. 2, д. 39, л. 8-13; FO 608/78, 342/1/6/3681; Армянский вопрос. Энциклопедия. Под ред. К. С. Худавердяна, Е., 1991, с. 290.